

УДК 070

МИР РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ДЕТСКОМ ЖУРНАЛЕ «ПИОНЕР» 1970-80-х ГОДОВ¹

© 2022 Т.В. Дубровская

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

Автор статьи анализирует материалы детского журнала «Пионер» (1970-80-х гг.) с целью выявить, как мир русской литературы представлен на страницах журнала и какова роль данных репрезентаций. Сделаны выводы, что в контексте журнала происходила медиатизация русской литературы, что позволяло выйти за рамки школьного чтения и сложить многомерную картину русской литературы. Контекстуализация литературы устанавливала связь с современностью, а субъективизация и диалогизация создавали единое ценностное пространство, охватывающее классиков, современных авторов и читателей.

Ключевые слова: журнал «Пионер», русская литература, медиатизация, советский.

В советскую эпоху чтению отводилось особое, можно сказать, священное, место в жизни человека. Практически полная грамотность населения и культурная политика государства, признающая важность чтения и образования в целом, обеспечивали вовлеченность в процесс чтения значительной части населения, в том числе детей. По данным исследователей, в 1970-е гг. регулярно детям читали в 80% семей (<https://ria.ru/20080611/110842173.html>). Печатная продукция для детей была достаточно обширна и охватывала художественную литературу, детские энциклопедии и детскую периодическую печать, включая газеты и журналы. Кроме того, формализованное изучение русской литературы проходило в школе и предполагало чтение классических произведений. В данной статье мы обращаемся к социальной практике детского чтения в СССР в нескольких аспектах. В частности, мы ставим **задачи** выявить характер взаимосвязи между школьным и внешкольным чтением, а также определить, как мир русской литературы представлен на страницах популярного детского журнала «Пионер» и какова роль данных репрезентаций. Во многих исследованиях, написанных в постсоветское время, советской детской прессе и литературе отводится исключительно роль инструмента идеологизации и средства коммуникации между партийным руководством и подрастающим поколением [н-р, Кравченко, 2016; Савина, 2018]. Это, по мнению исследователей, отражалось в самой структуре детских журналов, ядро которых составляли общественно-политические и идеологически ориентированные материалы, тогда как материалы научно-популярного и литературного характера и другие рубрики находились на периферии [Balina, Oushakine, 2021]. Действительно, журнал «Пионер» включал значительное количество материалов о Ленине как вожде революции, общественно-политических событиях в стране (съезды пионерии и ВЛКСМ) и за рубежом (в основном, обличительной направленности в адрес капиталистического строя). Однако наряду с этим постоянной стратегией журнала было обращение к лучшим образцам

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике». Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-00775, <https://rscf.ru/project/22-28-00775/>.

русской и советской литературы, причём формат рассмотрения классики отличался от традиционного школьного формата. Обсудим это подробнее.

Прежде всего, оговоримся, что русскую литературу мы понимаем как литературу русского народа и людей другой нации, воспитанных в традициях русской культуры (https://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_литература). В данном случае простое определение из Wikipedia вполне отражает наш подход, и мы не останавливаемся на этом более подробно. Мы составили примерный список русских писателей и поэтов, классиков и современников, имена которых так или иначе фигурируют в материалах журнала. Наряду со ссылками на таких классиков, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.К. Толстой, Д.И. Фонвизин, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, на страницах журнала находят своё место и авторы XX века, например, А.А. Блок, М.И. Цветаева, М.А. Булгаков, Л.А. Кассиль, И.А. Ильф и Е.П. Петров, М.М. Зощенко, К.Г. Паустовский, А.Т. Твардовский, М.А. Светлов, В.Ю. Драгунский, а вместе с ними и классики зарубежной литературы (братья Гримм, Ч. Диккенс, Г. Флобер, У. Шекспир, М. Сервантес).

Что касается набора форматов и жанров обсуждения литературы в том или ином аспекте, он достаточно разнообразен. Полагаем, что можно выделить несколько **основных типов публикаций** с точки зрения тематики, проблематики и собственно жанровой организации:

1) материалы, посвященные одному писателю или поэту. Например, объемный материал о Грибоедове «Это прекрасное имя – Грибоедов» (Пионер, № 1, 1970). В центре таких материалов незаурядная личность автора, его характер и судьба;

2) публикации о героях литературных произведений. Например, статья «Сто пятьдесят Дон Жуанов» с подзаголовком «Рассказы о литературе» (Пионер, № 7, 1970);

3) материалы, в основе которых лежит спорный литературоведческий вопрос, который обсуждается на примере нескольких авторов и произведений. Именно такова публикация «Писатель выдумывает или это было на самом деле?» (Пионер, № 1, 1970);

4) интервью или диалоги с писателями-современниками, предметом которых могут быть как творческие планы писателя (материал «Говорят писатели» с рассказом В. Драгунского о новом произведении, Пионер, № 2, 1970), так и вопросы читательских привычек, которые обсуждаются в связи с нравственными проблемами, уникальностью личности человека, разными аспектами человеческих отношений. Например, ответы писателя В.С. Розова на встрече с юными читателями, изложенные в рубрике «Надо посоветоваться» (Пионер, № 9, 1970).

Эта классификация не исчерпывающая, так же как не является окончательным представленный выше список писателей. Оба могут быть расширены по мере привлечения других выпусков журнала.

Анализ материалов, представляющих мир русской литературы в журнале «Пионер», позволяет нам выдвинуть ряд ключевых тезисов об их роли и языковых формах актуализации.

1) Чтение продвигается не только как **источник информации**, но и как **непростой процесс саморазвития** («Книга требует усилия. Ты обязан действовать. Ты должен активно добывать из книги информацию» (Пионер, № 9, 1970)) и незаменимый способ развития воображения («Книга развивает воображение. Кино, радио, телевизор – всё это хорошо, но книгу они заменить не могут», «Но никогда ничем не заменить книгу» (Пионер, № 9, 1970)). Обратим внимание на формы деонтической модальности, т.е. модальности долженствования, которые выполняют функцию построения нормативной картины мира: *обязан, должен, не заменить* (= нельзя заменить).

Поиск своей литературы также репрезентируется как сложный путь к себе самому и определению своих личных потребностей (*«Взял книгу, прочитаешь несколько страниц, отбросишь. Пусть ошибешься, пусть споткнешься. Другого способа нет, только поиск»* (Пионер, № 9, 1970)). В то же время не отрицается развлекательный аспект чтения и получение от него удовольствия (*«Я до сих пор люблю сказки. Очень люблю. Когда я читаю сказки своей дочке, я сам получаю удовольствие»* (Пионер, № 9, 1970)).

Важно, что эксперты журнала допускают разнообразие увлечений и не настаивают на унифицированном списке литературы для всех. Писатель В. Розов говорит юным читателям: *«Прочесть все и знать все мы не можем. Мы вынуждены выбрать небольшой участок мира, который можем освоить. Можно читать и одну фантастику, если, предположим, она для тебя без дна и без края. Мы считаем, что личность должна быть шире, богаче образованнее, но личности могут быть разные <...> Самое неприятное, если все будут одинаковыми»* (Пионер, № 9, 1970). Кажется, такие утверждения вступают в противоречие с распространенным стереотипом об СССР как о тоталитарном режиме, в котором общественными ценностями признавались однородность, безликость и одинаковость. И уж совсем крамольным выглядит высказывание писателя, что можно манкировать школьной программой ради своих личных пристрастий в чтении: *«Взрослые говорят: как, ты до сих пор не читал «Войну и мир»?! Как, ты не прочел «Анну Каренину»?! Ну что «как»? Ничего страшного в этом нет, если ты читаешь что-то свое, что-то необычайно для тебя интересное»* (Пионер, № 9, 1970).

2) Хорошая книга представлена как **часть человеческих судеб** и настоящих жизненных историй, потребность в книге возникает даже в самых тяжелых жизненных обстоятельствах. 1970-е годы – это время, когда в памяти людей еще живы события Великой Отечественной войны, ведь старшее поколение и даже люди среднего возраста были непосредственными участниками событий. В своих рассказах о фронтовых концертах (Пионер, № 5, 1970) актриса Р. Рома вспоминает, как оказалась в госпитале и *«сразу закопалась в библиотеке бывшего сочинского санатория»*. Она пишет, что многие книги были *«скуреными»* ранеными солдатами, но *«и в этих истерзанных книгах я наткнулась на томик Пушкина, зачитанный, но целый. Я стала снова в который раз читать всегда волнующие строки пушкинских стихов»*. Рядом с известным стихотворением Пушкина *«Я помню чудное мгновенье»* актриса обнаружила на полях простенькие строки: *«Явись ко мне, моя Дуся! Где-то ты теперь, моя милая? Жива ли ты?»*, о которых она пишет: *«До сих пор я не могу спокойно вспоминать об этом бесхитростном призыве, который вырвался у раненого солдата под влиянием стихов Пушкина»*.

Стихи Пушкина, таким образом, вплетены в жизненный контекст сразу нескольких читателей: неизвестного раненого солдата, известной актрисы и обобщенно-коллективного читателя журнала «Пионер». Разъединенные временем и пространством, принадлежащие к разным поколениям, все они оказываются связаны строками Пушкина, которые получают в рассказе новое, драматическое, и более современное звучание.

3) Русская литература в журнале – это и повод поразмышлять о **сложной природе человека**, сочетающей в себе добро и зло. Так, проводя параллели между характерами литературных героев и их авторов (Болконский и Толстой, Митрофанушка и Фонвизин), авторы материала *«Сто пятьдесят Дон Жуанов»* (Пионер, № 7, 1970) находят в характерах писателей пороки и страсти, которые присущи их героям. В рассуждениях авторов нет однозначного осуждения человеческих недостатков. Напротив, они цитируют писателя Ю. Олешу: *«В каждом человеке есть дурное и есть хорошее. Я не поверю, что возможен*

человек, который не мог бы понять, что такое быть тщеславным, или трусом, или эгоистом. Каждый человек может почувствовать в себе внезапное появление какого угодно двойника». В таком понимании человеческой природы нет категоричности и стремления видеть мир как комбинацию только чёрного и белого. Юному читателю предлагают посмотреть и на себя самого: *«Кто из нас в детстве не завидовал обладателю прекрасной авторучки, редкой марки, сверкающего гоночного велосипеда? Значит ли это, что все мы закоренелые завистники? Нет, конечно»*. Показательно употребление авторами материала инклюзивных форм «нас» и «мы», которые объединяют в одну группу самих авторов и читателей, позволяя создателям журнала выстраивать разговор с детьми «на равных», без снисходительных тонов.

4) Обращение к литературе также позволяет продвигать идею **разных перспектив и точек зрения** на один и тот же факт или одну и ту же личность. Сравнивая образы лермонтовского Наполеона из стихотворения «Воздушный корабль» и толстовского Наполеона из романа «Война и мир», авторы журнального материала отмечают их полную противоположность и спрашивают: *«Так кто же изобразил Наполеона правильно, в соответствии с исторической правдой – Лермонтов или Толстой? Может ли быть, чтобы и на этот раз были правы оба писателя?»* (Пионер, № 7, 1970). Допущение журналиста, что картины действительности в изображении разных писателей могут различаться и зависеть в значительной мере от их индивидуального мироощущения (*«И на это раз правы оба»*), сдвигает фокус внимания читателей с унифицированного идеологизированного комплекса мировоззренческих установок на общество и человека и развивает идею множественности, плюрализма, существования альтернатив.

Если говорить о репрезентациях альтернатив, то весьма интересной нам представляется публикация о повести Тургенева «Муму» и реальной истории, лежащей в её основе (Пионер, № 1, 1970). Проводя параллели между настоящими участниками этой истории и литературными персонажами, наряду со сходствами авторы публикации отмечают и их принципиальное отличие: *«В жизни немой дворник Андрей остался верен своей госпоже и до самой смерти преданно служил ей. А у Тургенева, как вы помните, Герасим ушел от своей барыни и вернулся в родную деревню»*. Знакомая детям литературная история, рассмотренная в контексте реальных жизненных обстоятельств, приобретает новые смыслы: в центре оказывается важность и, главное, возможность независимого личного выбора, сделанного по собственным убеждениям.

Рис.1. Иллюстрация к статье «Герасим и Андрей. Снова Остап Бендер». Пионер, №1, 1970.

Иллюстрация к статье создаёт визуальную репрезентацию альтернативы (Рис.1). В центре рисунка мы видим помещицу и собаку у её ног, а слева и справа – альтернативные варианты истории. Тургеневский выбор символически обозначен портретом писателя и силуэтом уходящего с узелком Герасима; выбор настоящего Андрея – метла в руках под портретом барыни.

5) **Писатель на страницах журнала** предстаёт не как памятник, отлитый в граните, а как живой человек со своей судьбой, метаниями и страстями. Журнальные материалы о русских писателях нередко включают выражение личного отношения автора к герою публикаций. Так, автор статьи о Грибоедове пишет: *«Помню, что, когда я был совсем маленьким, задолго до того, как прочел и полюбил «Горе от ума», мне показалась смешной впервые услышанная мною фамилия – Грибоедов, Грибоед... Человек, который есть грибы... А теперь мне это и в голову не приходит... Наоборот. Теперь при упоминании этого имени – Грибоедова – я испытываю нежность и гордость. Оно кажется мне одним из самых благозвучных в мире. Оно прекрасно, потому что был прекрасен носивший его человек»* (Пионер, № 1, 1970).

Сложно представить такое рассуждение в формате школьного учебника, однако в журнале оно вполне уместно. С одной стороны, такой металитературный комментарий со ссылками на собственное детство (*когда я был совсем маленьким*) и собственные чувства (*полюбил, показалась смешной, нежность, гордость*) создаёт эффект живого диалога и сближает автора статьи и юного читателя журнала. С другой стороны, журналист выступает медиатором между классиком и современным ребенком, показывая классика и его произведения через собственную призму восприятия и в конечном итоге очеловечивая его.

Близость писателя к читательской аудитории особенно успешно конструируется в жанре разговора с писателем-современником. Такой «разговор» может быть выстроен как монологическое произведение, однако элементы диалогизации (формы обращения, местоимения 2 лица), разговорная лексика и разговорный синтаксис (парцеллированные предложения, коммуникативы, маркеры сомнения, многочисленные метатекстовые элементы, предложения с союзом *и* в инициальной позиции) создают эффект живого разговора. Все эти языковые средства диалогизации и разговорной речи наблюдаем в монологе В. Драгунского, размещенном в рубрике «Говорят писатели» (Пионер, № 2, 1970): *«Редакция спросила меня о моих планах на будущее. Что ж, я могу кое-что рассказать вам, ребята. Сейчас я хочу написать, первое дело, три рассказа. Или, может быть, четыре... Это, я думаю, должны быть интересные рассказы. И смешные. И забавные, но, главное дело, интересные. Потому что, кому охота про неинтересное читать. Так будет лучше для ребят. Я ведь к ним отношусь с любовью, если откровенно говорить. Стало быть, я напишу для вас, ребята, рассказы. А еще небольшую повесть»*.

Стиль Драгунского в этом фрагменте узнаваем. Мастер детского рассказа, он и здесь не изменяет себе, не морализирует, а ведет диалог с читателями и даже признаётся им в любви. В этом отношении наши лингвистические наблюдения созвучны наблюдениям ученых, изучавших советскую детскую периодику с социологической точки зрения и отмечавших диалогическую функцию детских журналов, которые «являлись мобильной и интерактивной платформой для коммуникации между детьми, писателями, политиками, издателями и просветителями» [Balina, Oushakine, 2021, с. 5].

6) Наконец, одной из важных характеристик материалов о литературе в журнале «Пионер» выступает их **интертекстуальность**. Когда мы говорим об интертекстуальности, то опираемся на широкое бахтинское понимание диалога и диалогичности: «Два высказывания, отдаленные друг от друга во времени и в

пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т.п.)» [Бахтин, 1986, с. 321]. Такая бахтинская диалогичность выстраивается в журнале разными способами. Один из них – через сопоставление одного и того же героя в произведениях разных авторов (выше мы обсуждали такой прием на примере сравнения Наполеона у Лермонтова и Толстого; есть и целый ряд других подобных примеров). Выстраивание межлитературных параллелей в журнале происходит и на уровне сюжетных линий, в том числе между русскими и зарубежными произведениями. Так, в статье, посвященной 200-летию юбилею Якоба Гримма, обсуждается похожесть сказочных сюжетов: оплакивающая нерожденного сына гриммовская Умная Эльза заставляет вспомнить русскую старуху из сказки А.Н. Афанасьева «Лутонюшка», которая горевала по несуществовавшему внуку (Пионер, № 1, 1985). Автор этой журнальной публикации отмечает не только сходство сюжетов многих народных сказок, в которых отражен быт разных народов, но и общие исследовательские практики, связанные со сбором и обработкой фольклора и пересекающие национальные границы: *«На сбор и обработку сказок, легенд и преданий родного народа братья Гримм потратили около двадцати лет своей жизни <...> Почти одновременно с братьями Гримм в России собирал пословицы, поговорки, песни и сказки Владимир Иванович Даль; обработке русской народной сказки посвятил себя Александр Николаевич Афанасьев... И еще многие и многие»* (Пионер, № 1, 1985).

Стоит также отметить и прием, который мы обозначим как «металитературная рамка». Суть его в том, что творчество одного писателя представлено в литературной интерпретации другого. К примеру, автор материала к столетию со дня рождения Чарльза Диккенса (Пионер, № 6, 1970) помещает английского писателя в металитературную рамку, начиная журнальную статью с рассказа К. Паустовского «Случай с Диккенсом». Описанный К. Паустовским забавный случай, произошедший в Феодосии в 1939 году, представляет Диккенса как писателя, от которого невозможно оторваться. Рыбак, персонаж Паустовского, с трудом возвращает книгу мальчику, хозяину книги: *«Что это была за книга?» – спрашиваю я рыбака. «Та Диккенс, – говорит он с досадой. – Такой прилипчивый писатель – как смола!»* (К. Паустовский. Случай с Диккенсом)

Формат очень короткого рассказа К. Паустовского позволяет разместить его в рамках журнальной статьи практически без сокращений в качестве своеобразного предисловия, а слова самого журналиста созвучны высказыванию героя Паустовского, вступают с ним в отношения диалогичности: *«...Даже и среди тех, кто безусловно относится к «великим», далеко не каждого читают так захлеб, не отрываясь, залпом, единым духом, от первой страницы до последней. Короче говоря, так, как читал описанный Паустовским рыбак неведомую нам книгу Диккенса»* (Пионер, № 6, 1970).

Подведем краткий итог. На наш взгляд, можно говорить о нескольких процессах в контексте детского журнала «Пионер». Прежде всего, журнал успешно осуществлял **медиатизацию русской литературы**, представление её читателю средствами массмедийного издания, выполняющего одновременно и воспитательную, и развлекательную функции. Процесс медиатизации позволял выйти за рамки школьной программы, охватить более широкий круг авторов и произведений и показать, что процесс чтения несводим к обязательному чтению. Иллюстративный материал добавлял наглядности и одновременно делал чтение интересным. При этом медиатизация вряд ли означает упрощение и примитивизацию. Напротив, выстраивание межлитературных параллелей, связей между разными произведениями, сюжетами и жизненными путями

писателей и поэтов позволяло сложить многомерную картину русской литературы. В журнальных текстах о литературе происходила и **медиатизация действительности**, снятие излишних идеологических акцентов, характерных для взрослой жизни, и перенос внимания юного читателя на общечеловеческие ценности, индивидуальность, множественность разных точек зрения, развитие критического мышления. Также можно говорить и о **контекстуализации литературы**, поскольку хорошая книга репрезентировалась как часть жизни обычного советского человека, взрослого и школьника. Истории литературных героев рассматривались в контексте человеческих и общественных отношений, что придавало им новое звучание и приближало современному читателю. Наконец, отметим значительную степень **субъективизации и диалогизации**, характерную для материалов о литературе. На страницах журнала современные писатели ведут с подрастающим поколением уважительный диалог на равных, шутят, интересуются, размышляют, сомневаются. Все перечисленные процессы, как нам видится, создают единое ценностное пространство русской литературы, в котором есть место и классикам, и современным авторам, и читателям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 297–325.
2. Кравченко А.В. «Детская печать – вожак и организатор масс»: к истории формирования комсомольской системы руководства центральными пионерскими журналами Москвы в 1920-е гг. / А.В. Кравченко // Детские чтения. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С.190–213.
3. Савина Т.В. «Пионеры острова Ява»: особенности политического языка газеты «Пионерская правда» (вторая половина 1920-х) / Т.В. Савина // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2018. – № 3(119). – С.83–98.
4. Balina M. The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children / M. Balina, S. Oushakine (eds). – Toronto: University of Toronto Press, 2021. – 569 p.

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ

- Пионер, 1970, № 1, № 2, № 5, № 6, № 7, № 9.
Пионер, 1985, №1

Поступила в редакцию 14.05.2022 г.

THE WORLD OF RUSSIAN LITERATURE IN THE CHILDREN'S 'PIONEER' MAGAZINE (1970-80s)

T.V. Dubrovskaya

The author analyses data drawn from the children's 'Pioneer' magazine (1970-80s) with the aim to expose the way the world of Russian literature is represented in the magazine and the role of these representations. The conclusion is made that the magazine mediatized Russian literature, which expanded the school reading and contributed to a multi-faceted picture of Russian literature. Contextualisation of classic literature established its link with the present times, while subjectivisation and dialogicity constructed a joint axiological space that embraced classic and modern authors as well as readers.

Key words: magazine 'Pioneer', Russian literature, mediatization, Soviet.

Дубровская Татьяна Викторовна.

Доктор филологических наук, доцент.

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».

Заведующий кафедрой «Английский язык».

Email: gynergy74@gmail.com

Dubrovskaya Tatiana Viktorovna.

Doctor of Philology, Associate Professor.

Penza State University.

Head of the English Language Department.

Email: gynergy74@gmail.com